

Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности

Distr.: General
9 November 2017

Original: Russian

Генеральная Ассамблея
Семьдесят вторая сессия
Пункт 99(1) повестки дня

**Всеобщее и полное разоружение: осуществление
Конвенции о запрещении разработки, производства,
накопления и применения химического оружия и
о его уничтожении**

Совет Безопасности
Семьдесят второй год

**Письмо Постоянного представителя Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций от 24 октября
2017 года на имя Генерального секретаря***

Настоящим имею честь препроводить оценку Российской Федерации в отношении методов расследования Миссией Организации по запрещению химического оружия по установлению фактов инцидента с возможным применением химического оружия в населенном пункте Хан-Шайхун (Сирийская Арабская Республика) 4 апреля 2017 года (см. приложение).

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 99(1) повестки дня и в качестве документа Совета Безопасности.

(Подпись) В. Небензя

* Переиздано по техническим причинам 8 ноября 2017 года; ранее документ был издан под условным обозначением [A/C.1/72/3-S/2017/897](#).

Приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 24 октября 2017 года на имя Генерального секретаря

[Подлинный текст на английском языке]

Оценка в отношении методов расследования инцидента с возможным применением химического оружия в населенном пункте Хан-Шайхун 4 апреля 2017 года

О записке Технического секретариата ОЗХО (далее — «Секретариат»), озаглавленной «Дополнительные пояснения в отношении того, почему Миссия ОЗХО по установлению фактов не была развернута в Хан-Шайхуне» (S/1545/2017 от 17 октября 2017 года, далее — «Записка»).

Хорошо известно, что расследование случаев предполагаемого применения химического оружия должно осуществляться в соответствии с положениями части XI Приложения по осуществлению и проверке к Конвенции о запрещении химического оружия (КХО) и процедурами, которые будут установлены Генеральным директором (пункт 1 части XI).

К числу проб, имеющих важное значение при расследовании, относятся пробы токсичных химикатов, остатков боеприпасов и устройств, экологические и биомедицинские пробы (пункт 17 части XI). Базовым принципом при проведении расследований является принцип осуществления соответствующих процедур цепи сохранности, описанный в Конвенции по химическому оружию, руководстве ОЗХО, в том числе в документе Секретариата под названием «Процедуры цепи сохранности и документация для проведения ОЗХО анализа проб на месте» от 12 августа 2013 года, в соответствии с которым «в случае возникновения сомнений в отношении целостности пробы (в случае, если образец в течение какого-либо времени не находился на хранении ОЗХО)... такая проба не принимается ОЗХО для целей проверки». Как указывается в докладе миссии по установлению фактов (МУФ) (S/1510/2017 от 29 июня 2017 года), в отношении образцов, предоставленных опрошенными лицами, этот принцип соблюден не был («со стороны группы не была гарантирована полная цепь обеспечения сохранности»). Таким образом, если руководствоваться вышеупомянутым документом, то, к нашему сожалению, мы не можем согласиться с аргументом о том, что «миссия по установлению фактов, насколько это применимо, придерживается самых строгих основных принципов и процедур..., в том числе тех, которые относятся к цепи сохранности, начиная с момента сбора или получения МУФ доказательств, включая пробы» (пункт 7 Записки).

Единственным видом вещественных доказательств, собранных экспертами МУФ (даже теми, кто находился на территории «соседней страны»), являются биомедицинские пробы. Однако такие пробы свидетельствуют лишь о том, что жертвы подверглись воздействию зарина или вещества, подобного зарину. Они никоим образом не дают ответ на вопрос о том, где и при каких обстоятельствах произошло это воздействие, а также о фактической личности этих лиц — «доноров».

Как указывается в Записке, Генеральный директор, ссылаясь на неблагоприятную обстановку в плане безопасности, принял решение о том, что МУФ не станет выезжать в Хан-Шайхун. Таким образом, группа МУФ «не смогла ... осмотреть, оценить или зафиксировать место предполагаемого инцидента, не смогла провести работу по поиску других очевидцев и не могла отобрать эко-

логические пробы и/или собрать остатки предполагаемых боеприпасов» (пункт 3.13 доклада, [S/1510/2017](#) от 29 июня 2017 года). Из этого возможно сделать единственный вывод о том, что МУФ не смогла получить ключевые вещественные доказательства.

Следовательно, все другие выводы по итогам ее работы основываются не на прямых, а на косвенных доказательствах, подавляющее большинство из которых были «любезно» предоставлены миссии по установлению фактов представителями сил оппозиции, враждебно настроенных по отношению к сирийскому правительству, и полностью дискредитировавшими себя неправительственными организациями, такими как «Белые каски».

Принимая во внимание, что в пункте 6 резолюции [2209 \(2015\)](#) Совета Безопасности ООН и пункте 7 резолюции [2235 \(2015\)](#) Совета Безопасности ООН содержится призыв ко всем сторонам в Сирии в полной мере сотрудничать с Миссией ОЗХО по установлению фактов, можно с очевидностью констатировать, что вооруженные группы, контролировавшие район, где 4 апреля 2017 года был применен зарин, и не предоставившие доступ международным экспертам, в действительности не были заинтересованы в проведении полноценного расследования. Вызывает недоумение тот факт, что в докладе, представленном Исполнительному совету ОЗХО, а затем препровожденном Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций, МУФ даже не упоминает те силы, которые отказали группе в таком доступе, несмотря на заверения Генерального координатора Высшего комитета по переговорам сирийской оппозиции Рияда Хиджаба в адрес Председателя Совета Безопасности ООН.

В отличие от Хан-Шайхуна, условия в плане безопасности ни в коем случае не могут быть использованы в качестве оправдания того, что МУФ отказалась посетить авиабазу «Шайрат». В начале апреля правительство Сирии предоставило официальные гарантии обеспечения безопасного доступа на территорию этого объекта. Кроме того, Дамаск настаивал на том, чтобы такое посещение было организовано незамедлительно, чем подтвердил готовность выполнять свои обязательства, вытекающие из пункта 12 круга ведения МУФ (приложение к записке Секретариата ОЗХО ([S/1255/2015](#)) от 10 марта 2015 года) и пункта 15 части XI Приложения по осуществлению и проверке к КХО. В нем четко говорится, что «инспекционная группа (ОЗХО) имеет право доступа к любым и всяким районам, которые могли быть затронуты предполагаемым применением химического оружия», а также «местам, которые, по ее мнению, имеют отношение к эффективному расследованию предполагаемого применения химического оружия». Кроме того, как верно отмечается в Записке (пункт 4), требование о том, чтобы МУФ «изучила всю имеющуюся информацию, касающуюся утверждений о применении химического оружия в Сирии», содержится также в решениях Исполнительного совета ОЗХО EC-M-48/DEC.1 от 4 февраля 2015 года и EC-M-50/DEC.1 от 23 ноября 2015 года, а также в резолюции [2209 \(2015\)](#) Совета Безопасности ООН. Последние из упомянутых документов наделяют МУФ гораздо более широкими полномочиями, чем те, которые определяются в ее круге ведения. Тем не менее Миссия даже не сочла необходимым проанализировать, подтвердить или опровергнуть информацию, полученную от некоторых государств-членов, по поводу предполагаемой доставки сирийскими самолетами с авиабазы «Шайрат» боеприпасов, снаряженных заринном.

Члены миссии по установлению фактов явно уклонились от выполнения ее мандата в том, что касается предоставления Дамаску дубликатов всех экологических и биомедицинских проб, взятых, согласно заявлениям оппозиции, в Хан-Шайхуне. Положение о передаче дубликатов закреплено в пункте 14 круга ведения МУФ и в пункте 18 части XI Приложения по осуществлению и про-

верке к КХО. Конкретные процедуры регулируются документом ОЗХО под названием «Стандартный порядок проведения анализа аутентичных проб за пределами объекта» от 1 ноября 2011 года. Однако данное требование не было выполнено, что, в свою очередь, не позволяет Сирии завершить проведение национального расследования данного инцидента в соответствии со статьей VII КХО.

Конвенция предписывает государству, на территории которого имело место применение химического оружия, оказывать содействие деятельности по установлению фактов Организации по запрещению химического оружия. Секретариат должен создать благоприятные условия для сотрудничества со стороны инспектируемого государства-участника.

В ходе той части расследования инцидента в Хан-Шайхуне, которая проводилась на территории «соседнего государства», сирийская сторона была практически лишена возможности оказать Секретариату какую-либо помощь, несмотря на то, что Сирийская Арабская Республика была обязана это сделать в соответствии с Конвенцией. Таким образом, складывается впечатление, что при проведении расследования подразумевалось, что в соответствующем инциденте замешано сирийское правительство, притом что группа МУФ должна «воздерживаться от любых действий или деятельности, несовместимой с беспристрастным и международным характером своих обязанностей», как предусматривается в пункте 6 круга ведения МУФ.

Кроме того, поскольку процедура установления личности опрошенных на территории «соседнего государства» лиц (очевидцев/пострадавших), а также установления связи этих лиц с местом, где произошел химический инцидент в Хан-Шайхуне, осуществлялась без какого-либо участия официальных властей Сирийской Арабской Республики, возникает множество вопросов относительно достоверности данных, полученных от этих лиц.

К сожалению, в процессе расследования предполагаемого инцидента, произошедшего 30 марта 2017 года в сирийском населенном пункте Аль-Латамина, Секретариат придерживается вышеупомянутой практики в том, что касается его контактов с правительством Сирии.

Расследование ОЗХО было бы более объективным и тщательным, если бы состав МУФ, согласно пункту 8 круга ведения МУФ и пункту 44 Конвенции о запрещении химического оружия (ответственность Генерального директора при назначении сотрудников), был сбалансированным и определен на возможно более широкой географической основе. Вопреки просьбе Российской Федерации, высказанной на 54-м совещании Исполнительного совета, Секретариат не раскрыл перечень стран, представители которых включены в состав Миссии. При этом, как представляется, для Исполнительного совета было бы весьма полезно знать, входят ли в состав МУФ представители стран, вовлеченных в сирийский конфликт.

Наконец, тот факт, что инспекторов ОЗХО необходимо направить на авиабазу «Шайрат», следует даже из решения Исполнительного совета, которое некоторые государства-члены посредством процедур голосования вынудили Исполнительный совет принять на его 83-й сессии (ЕС-83/DEC.5 от 11 ноября 2016 года). В соответствии с пунктом 10 вышеупомянутого решения «Секретариат сохраняет и оперативно анализирует любую информацию и материалы, которые он сочтет важными в контексте сделанных или потенциальных утверждений относительно обладания химическим оружием и его применения, в том числе пробы, имеющие отношение к сирийской программе химического оружия». Для осуществления этого решения Генеральный директор объявил в своем докладе ЕС-86/DG.21 от 21 сентября 2017 года о том, что Секретариат

начал процесс анализа такой информации и материалов, в том числе проб. В этой связи возникает вопрос: объясняется ли нежелание Секретариата проверить информацию о нахождении на авиабазе «Шайрат» зарина признанием соответствующего факта не только миссией по установлению фактов, но уже и Секретариатом, равно как и признанием отсутствия оснований полагать, что авиабаза имеет «отношение к утверждениям относительно обладания химическим оружием или его применения»? Если это не так, то Секретариату следовало бы незамедлительно приступить к выполнению вышеупомянутого положения решения, что будет автоматически означать проведение инспекции авиабазы «Шайрат» и сбор соответствующих проб на месте.
